Отечественная философия
2026. Т. 4. № 2. С. 5–22
УДК 1(091)

National Philosophy
2026, Vol. 4, No. 2, pp. 5–22
DOI: 10.21146/2949-3102-2026-4-2-5-22

ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Д. Савелов

А.Ф. Гусев как критик «Утилитаризма» Джона Стюарта Милля

Савелов Арсений Денисович – аспирант кафедры истории зарубежной философии философского факультета. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: ars109236@yandex.ru

Статья посвящена анализу критики утилитаризма Дж.Ст. Милля в работах русского философа и богослова А.Ф. Гусева, опубликованных в журнале «Православное обозрение» в 1875–1878 гг. Рассматривается один из малоизученных эпизодов русской рецепции западной моральной философии во второй половине XIX в. и показывается, что полемика Гусева с Миллем была не только реакцией на популярность английского мыслителя в России, но и попыткой последовательно противопоставить утилитарной этике христианское, прежде всего православное, понимание нравственной жизни. В статье реконструируются основные возражения Гусева против «Утилитаризма»: критика универсальности понятия пользы, сомнения в возможности качественного различения удовольствий на основе миллевского критерия, скептицизм относительно возможности соизмерения и калькуляции удовольствий, отрицание счастья как общезначимого основания морали, критика прогрессистского взгляда на развитие человечества, а также отрицание совместимости утилитаризма с христианством. Особое внимание Гусев уделяет тезису о радикальной субъективности удовольствия и счастья. По его мнению, индивидуальное разнообразие человеческих стремлений, вкусов и жизненных целей делает невозможными как точное сравнение удовольствий, так и сам идеал всеобщего счастья. Отдельно рассматриваются его доводы о практической неприменимости утилитаризма, связанной с невозможностью просчитать все последствия поступков, а также аргумент о том, что истина, добро и добродетель обладают самостоятельной ценностью и не могут быть сведены к удовольствию или полезности. Наряду с реконструкцией позиции Гусева в статье предлагается критический анализ его аргументов. Показывается, что часть его замечаний действительно затрагивает реальные трудности миллевского утилитаризма – прежде всего проблемы субъективности счастья, моральной мотивации и обоснования высших удовольствий. Вместе с тем ряд возражений Гусева основан на спорной или упрощённой интерпретации позиции Милля. Делается вывод, что тексты Гусева представляют интерес не только как историко-философский материал, но и как содержательный вклад в историю русской моральной философии.

Ключевые слова: А.Ф. Гусев, Дж.Ст. Милль, утилитаризм, счастье, удовольствие, история русской философии, моральная философия

Для цитирования: *Савелов А.Д.* А.Ф. Гусев как критик «Утилитаризма» Джона Стюарта Милля // Отечественная философия. 2026. Т. 4. № 2. С. 5–**22**.

© Савелов А.Д., 2026

Джон Стюарт Милль является одним из наиболее значимых европейских философов XIX в. Его авторитет в Англии и в некоторых других странах Европы в 1860-е и 1870-е гг. был непререкаем[1]. Неудивительно, что его философское наследие оказало влияние и на Россию последней трети XIX в. Как отмечает Дж. Скэнлан, распространение идей Милля в России стало возможным во многом благодаря либеральным реформам Александра II[2], которые создали условия для усиления культурного и идейного обмена. Так, в страну стала активно поступать западная литература, которую переводили, обсуждали и исследовали[3]. В идеях западных авторов, таких как Прудон, Маркс, Милль и Спенсер, отечественные интеллектуалы искали как новые теоретические находки, так и возможные пути развития России. Исследователи выделяют самые разные влияния мысли Милля на российскую интеллектуальную среду[4]. О значимости Милля можно судить также по тому, что в тот период его упоминают крупнейшие русские философы[5]. При этом замечу, что отношение к Миллю в России во многом претерпевало такие же изменения, что

---

1 *Skorupski J.* Introductions: The Fortunes of Liberal Naturalism // The Cambridge Companion to Mill. Cambridge, 1998. P. 1.

2 *Scanlan J.* John Stuart Mill in Russia: A Bibliography // The Mill's News Letter. 1968. Vol. 4. No. 1. P. 2.

3 Ibid. 1–11. Статья Скэнлана всё ещё является лучшим кратким обзором истории переводов и исследований философии Милля в России конца XIX – начала XX вв. Хорошую, но более короткую и совсем раннюю библиографию переводов Милля и работ о Милле дают А.П. Козырев и Н.В. Котрелёв в примечаниях к «Кризису западной философии» Вл.С. Соловьёва (*Козырев А.П., Котрелёв Н.В.* Примечания // *Соловьёв В.С.* Полное собрание сочинений в двадцати томах. Т. 1. М., 2000. С. 313).

4 Так, выделяют влияние логико-методологических идей Милля (см., например: *Щедрина Т.Г., Попова В.С.* Логико-методологические идеи Дж.Ст. Милля в контексте отечественных философских дискуссий конца XIX – первой четверти XX вв // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 3 (33). С. 96–105; *Berest J.* J.S. Mill's System of Logic in Russia: The Debate on Empiricism in Russian Philosophy, 1860s–1890s // Northwestern University Studies in Russian Philosophy, Literature, and Religious Thought. 2024. Vol. 1. P. 137–175), метафизических идей (например, влияние Милля на архиепископа Никанора (*Шпаковский М.В.* Восприятия, эйдосы и божественные идеи: опыт аналитического прочтения эпистемологии, философии восприятия и метафизики архиепископа Никанора (Бровковича) // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 4. С. 91), его социально-экономических проектов (*Берест Ю.* Дж. Милль: о принципах политической экономии // Российское право онлайн. 2021. № 3. С. 71–79), его политической философии (см., например: *Козьминых Е.С.* Политико-правовые идеи Дж.Ст. Милля в восприятии либералов «Вестника Европы» // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 2 (16). С. 88–94) и, наконец, его моральной философии (*Яркова Е.Н.* Утилитаризм в России // Журнал Социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (4). С. 16).

5 Среди значимых российских философов, упоминающих Милля в тот период, можно выделить, например, Н.Г. Чернышевского, который крайне положительно высказывался о Милле (*Чернышевский Н.Г.* Экономическая деятельность и законодательство // *Чернышевский Н.Г.* Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 674–733), М.М. Троицкого, в психологических работах которого Милль играл важную, если не ключевую, роль (*Троицкий М.М.* Немецкая психология в текущем столетии. Т. 1. М., 1883), Милль был важен и для ранней психологии Н.Я. Грота, при этом установка последнего по отношению к английскому мыслителю была довольно критической (*Грот Н.Я.* Психология чувствований. СПб., 1879–1880). Критическое отношение к философии Милля можно найти и у Вл.С. Соловьёва в «Кризисе западной философии» (1874), также Соловьёв довольно интересным образом критикует утилитаризм Милля в «Критике отвлечённых начал» (1880) (см.: *Соловьёв В.С.* Полное собрание сочинений в двадцати томах. Т. 1. М., 2000. С. 146; *Соловьёв В.С.* Полное собрание сочинений в двадцати томах. Т. 3. М., 2001. С. 31–34). Н.Н. Страхов в «Борьбе с Западом» (1882) в отдельном прибавлении критикует Милля и его работу «О подчинении женщин» (1869) (*Страхов Н.Н.* Борьба с Западом. СПб., 1882. С. 145–201; см. также работу Ю. Берест, в которой исследуется рецепция Милля Н.Н. Страховым и прослеживается влияние миллевского понимания науки через Страхова на Ф.М. Достоевского: *Berest J.* Scientific Modernity vs Cultural Tradition in Imperial Russia: N.N. Strakhov, F.M. Dostoevskii and J.S. Mill's A System of Logic // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2023. No. 16. P. 5–49).

и в Великобритании[6]. Ранние восторженные оценки через какое-то время сменились более критическим отношением: на Милля переставали смотреть как на оригинального, интересного мыслителя, хотя его идеи вплоть до советского периода считались важной вехой в истории философии[7].

Несмотря на то, что исследование рецепции Милля в России требует более глубокого изучения, в мировой историографии уже имеется ряд работ, фиксирующих упоминания миллевских трудов и идей русскими философами конца XIX – начала XX вв. В рамках данной статьи предпринимается попытка подробно рассмотреть один конкретный случай рецепции Милля в русской философии, а именно серию статей русского философа и богослова Александра Фёдоровича Гусева (1845–1904) «Дж.Ст. Милль как моралист» (1875–1878). В этой серии статей Гусев предлагает множество аргументов, направленных против утилитаризма Милля. Ниже я постараюсь подробно исследовать и раскрыть основные ходы мысли русского философа в этой заочной полемике.

Прежде чем обратиться к работе А.Ф. Гусева, необходимо несколько слов сказать о нём самом. Александр Фёдорович Гусев был уроженцем Тверской губернии, окончил Тверскую духовную семинарию, а в 1871 г. Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Там же в 1874 г. защитил магистерскую диссертацию «Нравственный идеал буддизма в его отношении к христианству». С 1871 г. и практически до самой смерти Гусев преподавал различные богословские дисциплины в Казанской духовной академии. В 1889 г. он становится профессором Казанской духовной академии, а в 1895 г. за работу «Основные религиозные начала графа Л.Н. Толстого» ему была присвоена степень доктора богословия[8].

Исходя из приведённых фактов понятно, что основными теоретическими интересами Гусева были богословие и моральная философия. Следует отметить, что в современной отечественной литературе Гусев известен преимущественно как богослов, а не как моральный философ. Отмечу также, что в наиболее популярных современных учебниках по истории русской философии Гусев вообще не упоминается[9].

1

Первая статья из цикла Гусева о Милле вышла в первом томе журнала «Православное обозрение» за 1875 г., и во многом поводом к началу данного цикла стала сравнительно недавняя на тот момент кончина Джона Стюарта Милля в мае 1873 г. Статья Гусева начинается с характеристики британского философа и его репутации

---

[6] О стремительном падении репутации Милля в Великобритании сразу после его смерти см.: *Stack D.* The Death of John Stuart Mill // The Historical Journal. 2011. No. 54. P. 167–190.

[7] Важность идей Милля можно проследить по его месту в работе «Книга о книгах: толковый указатель для выбора книг по важнейшим отраслям знания» (1892), подготовленной под редакцией профессора Московского университета И.И. Янжула при участии многих ведущих отечественных учёных того времени. В ней «Огюст Конт и позитивизм» (1865) рекомендуется в разделе по истории философии в рубрике «По новейшей и современной философии», «Система логики» (1843) в разделе по логике, «Утилитаризм» (1863) в разделе по этике, «Размышления о представительном правлении» (1861) в разделе о государственном праве. Это всё во многом может служить индикатором значимости идей Милля для отечественной науки того времени.

[8] Подробнее о биографии, преподавательской и богословской деятельности Гусева см.: *Лушников Д.* Основное богословие и религиология: критика буддизма профессором Казанской духовной академии А.Ф. Гусевым (1845–1904) // Философия религии: аналитические исследования. 2024. № 8 (2). С. 68–85; *Лушников Д.*, свящ. Профессор Казанской духовной академии А.Ф. Гусев (1845–1904) как преподаватель основного богословия // Христианское чтение. 2024. № 2. С. 12–28.

[9] См., например: История русской философии: учебник для вузов // Под ред. М.А. Маслина. М., 2001.

в России. Автор пишет, что Милль – «один из популярнейших мыслителей» и трудно «указать на какого-либо другого учёного, который бы пользовался такой громкой и общераспространённой известностью», «имя Милля знакомо всякому сколько-нибудь образованному и начитанному человеку»[10]. При этом Гусев отмечает, что такая репутация вполне заслужена. Милль, по его мнению, обладает как интеллектуальными, так и литературными талантами. Относительно репутации сочинений Милля в России говорится следующее:

> Милль неоспоримо – самый выдающийся представитель западно-европейского либерализма, хотя иногда и вызывающий недовольство к себе со стороны наиболее радикальных по своим понятиям людей <…> Для многих либеральное направление является чем-то в высшей степени обаятельным и само по себе уже служит доказательством ума и таланта писателя. Такие люди читают специально только то, что отзывается либерализмом. А таких людей повсюду больше в наше время, чем людей, требующих от писателя не либеральных идей, но здравых и способных выдержать строгий и пронизывающий анализ <…> Сочинения Милля давно известны и у нас в России по преимуществу в переводах на русский язык и читаются с увлечением. Некоторые из произведений Милля, можно положительно сказать, – известны почти всей нашей читающей публике и производят на неё неотразимое обаяние. Милль в глазах большинства этой публики, не приученной к самостоятельному мышлению и всей позднейшей нашей историей воспитанной в благоговении к мудрости западноевропейских мыслителей, – непоколебимый авторитет, провозвестник самых разумных и плодотворных идей <…> Руководители нашего общественного мнения, мы разумеем главным образом представителей нашей либеральной периодической печати <…> набрасывались с непонятным ожесточением на тех, кто позволял себе случайно заявить своё безверие относительно непогрешимости Милля. Читая разглагольствования указанной печати о трудах Милля, можно было подумать, что этот мыслитель – какой-то непогрешимый человек, неспособный допустить себе ни одной ложной мысли, ни одной обмолвки, ни одной опрометчивости[11].

Данные замечания Гусева дают интересные свидетельства относительно авторитета Милля в России в тот период, хотя не исключено, что Гусев может несколько преувеличивать степень этого авторитета, а также степень табуированности критики Милля в тогдашней либеральной печати[12]. В любом случае цель Гусева – предложить первый строгий критический анализ морального учения Милля. И действительно, до Гусева в России моральная философия Милля едва ли подвергалась столь подробному исследованию (суммарно объём всех статей Гусева из этого цикла составляет почти 250 страниц). При этом автор уже в начале статьи высказывает свою позицию: «По нашему убеждению, утилитарный принцип коренным образом расходится с христианским нравственным воззрением, не может быть оправдан непредубеждённою строго логическою мыслью и должен приносить в жизни весьма вредные результаты, если он окончательно утвердится в ней и восторжествует над противоположною точкою зрения»[13].

---

10 *Гусев А.Ф.* Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1875. Т. 1. № 1. С. 101.

11 Там же. С. 102–103.

12 Но в целом отношение к Миллю в том, что тогда считалось либеральной прессой, было действительно положительным. См., например, начало первой статьи Росселя из цикла о Милле в «Вестнике Европы» (*Россель Ю.Д.* Джон Стюарт Милль и его школа // Вестник Европы. 1874. Кн. 5. С. 5–15). При этом если мы обратим внимание на первый подробный анализ мысли Милля в отечественной печати, а именно обстоятельный комментарий Чернышевского к «Политической экономии», то можно заметить, что Милль с самого начала критически анализировался в отечественной мысли (*Берест Ю.* Дж. Милль: о принципах политической экономии // Российское право онлайн. 2021. № 3. С. 73–74).

13 *Гусев А.Ф.* Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1875. Т. 1. № 1. С. 105. Апелляция Гусева в этом моменте к результатам – любопытна.

Предваряя основной анализ, Гусев приводит некоторые биографические сведения о Милле, в которых прослеживаются акценты, во многом созвучные британским очеркам о Милле, последовавшим сразу после его смерти[14]. Так, подчёркивается, что мыслитель с раннего возраста был лишён религии его отцом Джеймсом Миллем и что Милль-старший выражал «пренебрежение к воспитанию чувства и фантазии»[15]. Эти влияния рассматриваются Гусевым в качестве безусловно вредных. Помимо этого, присутствуют стандартные обвинения в мальтузианстве: «Так, Милль <…> требовал из экономических видов, чтобы бедные люди воздерживались от вступления в брак…»[16]. Также Гусев припоминает защиту Миллем смертной казни[17]. В этом биографическом очерке интересно и то, что он соглашается с предложенным М.И. Владиславлевым (1840–1890) психологическим объяснением восторженности Милля по отношению к его жене:

> Потребность идеала так присуща человеку, что где бы то ни было, но он должен найти его осуществление. Для огромного большинства, исповедующих религию, такой идеал существует в Боге, как существе Высочайшем, Всесовершенном <…> Для Милля религия не существовала, но потребность идеала отмстила себя тем, что он, отрицая сверхъестественное небесное существо, принял обыкновенного человека за такое и украсил его всеми совершенствами ума и сердца[18].

После биографического очерка Гусев завершает первую статью из цикла довольно обстоятельным пересказом содержания «Утилитаризма» (1861). Судя по пересказу, Гусев, вероятно, использовал не оригинал, а русский перевод А.Н. Неведомского (1866–1869)[19].

2

Теперь перейдём к непосредственной критике Гусевым утилитаризма Милля. Вторая статья из цикла посвящена анализу попытки Милля предотвратить путаницу, связанную с тем, что полезность противопоставляют удовольствию, и в частности таким разновидностям удовольствия, как приятное и прекрасное[20].

Гусев занимает сторону оппонентов Милля:

> Высказываясь против утилитаризма в данном случае и обвиняя его в пренебрежении к прекрасному, истинному и доброму, противники этой доктрины могли иметь главным образом в виду утилитарный пункт, каковым он представляется и должен

---

[14] Стак хорошо суммирует основные факторы, обеспечившие Миллю дурную репутацию сразу после смерти: 1) пропаганда контроля рождаемости, 2) близкая связь с чужой женой, 3) нерелигиозность его мысли, 4) отсутствие в его работах дарвинизма (*Stack D.* The Death of John Stuart Mill // The Historical Journal. 2011. No. 54. P. 190).

[15] *Гусев А.Ф.* Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1875. Т. 1. № 1. С. 109.

[16] Там же. Следует пояснить, что Милль с раннего возраста подвергся влиянию идей английского экономиста Томаса Мальтуса (1766–1834). Мальтус полагал, что темпы роста населения значительно превышают темпы роста продовольствия. Бесконтрольное увеличение представителей рабочего класса, по его мнению, может привести к ухудшению положения самих этих рабочих и всего общества. Из этого делался вывод о необходимости контроля популяции, поэтому некоторые последователи Мальтуса пропагандировали практики контрацепции среди рабочего класса. Так, сам Милль в возрасте 17 лет был арестован за распространение памфлета, посвящённого контрацепции (*Capaldi N.* John Stuart Mill: A Biography. Cambridge, 2004. P. 41).

[17] Подробнее об этом см.: *Милль Дж. Ст.* Речь в защиту смертной казни // Этическая мысль. 2009. № 9. С. 183–192.

[18] *Гусев А.Ф.* Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1875. Т. 1. № 1. С. 112.

[19] *Милль Дж.Ст.* Утилитарианизм. О свободе. СПб., 1866–1869.

[20] *Mill J.S.* Utilitarianism // Collected Works of John Stuart Mill. Vol. 10. Toronto, 1969. P. 209.

> представляться сам по себе, а не те истолкования его, по которым идея пользы представляется большей частью в слишком розовом цвете и искусственно поставляется в необходимую связь с тем, что в сущности принадлежит неутилитарной точке зрения[21].

Гусев обвиняет утилитаристов в том, что они для усиления своей теории привносят в неё чуждые ей элементы, например христианские моральные представления. Утилитаристы, согласно казанскому профессору, необоснованно расширяют понятие о полезном: «…в рассматриваемом вопросе важно не то, как понимают полезное писатели утилитарной школы, а то, действительно ли полезное означает собою всё то, что угодно разуметь под ним утилитаристам. Общее человеческое сознание не только не отождествляет полезного со всем тем, к чему оно может и должно стремиться, но и с просто приятным, нередко даже противополагая одно другому».

Милль же, напротив, считает, что полезное – то, что приносит удовольствие и помогает избегать страданий; кроме того, с его точки зрения, полезное может включать в себя ещё и приятное. В ответ на данную позицию Гусев выдвигает следующий контраргумент:

> Человек может находить величайшее наслаждение в кабинетных работах, но за этими наслаждениями могут следовать самые вредные последствия и для него лично, и для тех, чьё благосостояние зависит от него. Таких примеров противоположности приятного и полезного можно было бы привести весьма много. Несомненно, что полезное с приятным не всегда находятся в таком разладе, но из этого отнюдь не следует, чтобы можно было в слове польза совмещать все возможные блага, как это делает Милль[22].

Данный контраргумент представляется малоубедительным, поскольку Гусев, судя по всему, ошибочно приписывает утилитаристам позицию, что всякое приятное должно включаться в полезное (под приятным, судя по всему, в этом контексте понимается то, что приносит удовольствие здесь и сейчас). Приводимый пример приятного, не обладающего полезностью, призван опровергнуть эту позицию, однако утилитаристы не согласились бы с тезисом, от которого отталкивается Гусев. В самом начале своей работы Милль пишет, что полезное не противоположно приятному. Тогда на контрпример Гусева следовало бы ответить следующим образом: безусловно, есть такое приятное, которое не есть полезное, как есть и полезное, которое не есть приятное (например, горькое лекарство), однако полезное вполне согласуется с приятным, и утилитарист говорит о максимизации пользы, из чего вполне может следовать (ничто этому не мешает) максимизация приятных ощущений в жизни человека. Вывод, к которому приходит Гусев, – «полезное вовсе нельзя считать тождественным с приятным» – не противоречит тому, о чём говорят утилитаристы[23]. Милль пытался подчеркнуть, что из утилитаризма не следует аскетизм, отрицающий всё приятное: полезное вполне может сопровождаться приятным и приводить к появлению приятного (и зачастую так и происходит). Критик отрицает, что полезное тождественно приятному, но Милль этого и не утверждал. Гусев мог бы развить свою критику и сказать, что из утилитаризма вполне может следовать индивидуальная жизнь, лишённая всего приятного (т.е. из утилитаризма может следовать нечто, что противоречит нашим обычным моральным интуициям). Так могло бы быть, если бы мы выяснили, что в мире преобладают страдания, и максимизация полезности тогда будет означать их предельное уменьшение, а это возможно лишь при предельно аскетической жизни. Но сама возможность такого

---

[21] *Гусев А.Ф.* Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1875. Т. 1. № 3. С. 445–446.

[22] Там же. С. 447.

[23] Там же. С. 448.

вывода не есть довод против утилитаризма, поскольку подобное заключение можно было бы вывести и из других этических систем.

Таким образом, Гусев приходит к заключению, что, согласно Миллю, мы должны достигать максимальной полезности путём «борьбы с стремлениями нашими к приятному, к наслаждениям»[24]. Но это искажает суть утилитаризма. При этом критика Гусева выявляет недостаток самого произведения английского философа: стремясь упростить текст, автор опускает многие важные моменты. В частности, Милль не акцентирует (а следовало бы) внимание на том, что утилитаризм основывается на определённой теории мотивации. Лучше всего она была сформулирована во «Введении в основания нравственности и законодательства» (1789) И. Бентама. Хорошо известно, как начинается это произведение:

> Природа поместила человечество под власть двух суверенных властителей, страдания и удовольствия. Им одним предстоит указывать на то, что мы должны делать (ought to do), и определять то, что мы будем делать (what we shall do). К их престолу прикованы, с одной стороны, стандарт правильного и неправильного, с другой, цепочка причин и действий. Они руководят нами во всём, что мы делаем, говорим, думаем: всякое усилие, которое мы можем сделать, чтобы освободиться от этого подчинения, будет служить лишь для его демонстрации и подтверждения <…> Принцип полезности признаёт это подчинение и берёт его в основание той системы, объектом которой является воздвижение здания счастья руками разума и закона[25].

Таким образом, утилитаризм во многом основывается на апелляции к правильной теории мотивации. Поэтому его нельзя обвинять в том, что он запрещает нам делать то, что мы хотим, или то, что нам нравится. Пафос этой моральной теории скорее заключается в том, что она помогает скорректировать нашу мотивацию, помогает увидеть, что наш механизм целеполагания иногда даёт сбои. Именно поэтому, когда Милль пишет, что аскетичная жизнь может помочь достигнуть счастья, он не предлагает нам по итогу получить меньше удовольствия, чем мы могли бы.

3

Далее Гусев обращается к, вероятно, наиболее известному нововведению Милля в утилитаристскую этику – введению качественного измерения удовольствий. Если в утилитаризме Бентама различие между наслаждениями носило исключительно количественный характер (так, удовольствия от «залипания» в Tik-Tok в определённых условиях могут быть равны удовольствиям от просмотра «Турандот» или чтения Диккенса, т.е. это могут быть эквивалентные альтернативы), то Милль полагает, что удовольствия различаются ещё и качественно. Когда нам даны два разных удовольствия с равными количественными показателями, одно из них всё же может быть более ценным, более желаемым, нежели другое. Это доказывает существование качественной характеристики[26]. Примером качественного различия является разница между чувственными и интеллектуальными удовольствиями.

Сам Гусев согласен с тем, что качественное измерение удовольствий существует, ему лишь не нравится то, как с ним работают утилитаристы. Казанский философ начинает с критики утверждения утилитаристов о превосходстве духовных

---

[24] *Гусев А.Ф.* Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1875. Т. 1. № 3. С. 449.

[25] *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morals and Legislation // The Collected Works of Jeremy Bentham. London, 1996. P. 11. Перевод с английского – мой и изменён относительно русского издания Бентама (см. этот же фрагмент: *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. С. 9).

[26] *Mill J.S.* Utilitarianism // Collected Works of John Stuart Mill. Vol. 10. Toronto, 1969. P. 211.

удовольствий над чувственными. Утилитаристы до Милля часто говорили, что духовные удовольствия ценнее, т.к. они дешевле, продолжительнее и устойчивее чувственных. Гусев на нескольких примерах показывает, что некоторые интеллектуальные удовольствия могут быть дороже, чем простые чувственные (если человек хочет получать удовольствия от книг и произведений искусства, от него могут потребоваться большие финансовые и, как следствие, физические и интеллектуальные затраты). Также он отмечает, что не всем людям нравится продолжительность удовольствий. Для некоторых моментальность удовольствия может быть ценнее, поэтому нельзя говорить о превосходстве чувственных удовольствий над интеллектуальными, исходя из большей продолжительности и устойчивости последних. Гусев также отмечает, что «нельзя с решительностью говорить, что всякие духовные наслаждения продолжительнее и прочнее чувственных»[27]. Также отмечается, что сами наслаждения предельно субъективны, если для одного классическая музыка – наслаждение, то другому она вполне может не приносить удовольствия. Удовольствия оказываются несоизмеримыми. И в подтверждение этой позиции Гусев ссылается на К.Д. Ушинского:

> На личном наслаждении нельзя построить, говорит он, никакой морали именно потому, что качественные признаки наслаждений остаются безразличными, а количественные измеряются только личным индивидуальным чувством и не могут иметь общего для всех людей мерила, именно того, что требуется математичностью (продолжительностью и т.д.) этих признаков. Если можно было бы отыскать математическую единицу для напряжённости наслаждений, общую для всех людей, тогда теория Эпикура могла бы претендовать хотя на какое-нибудь основание, но такой единицы до сих пор не найдено и едва ли она может быть отыскана[28].

Далее Гусев переходит к критике качественного измерения удовольствий. Он интерпретирует позицию Милля следующим образом: критерием большей качественности является «…количество лиц, наиболее симпатизирующих духовным, чем чувственным, наслаждениям <…> голос большинства»[29]. Однако большинство людей и даже самые развитые из людей часто предпочитают низкие удовольствия более высоким, например карточные игры чтению книг (хотя оба вида удовольствий им знакомы). Будет ли это означать, что карточные игры – более высокий вид удовольствия? Гусев заключает, что в этом вопросе Милль не может апеллировать ни к большинству, ни к интеллектуально наиболее развитым из людей, т.к. и большинство, и люди, признаваемые наиболее развитыми, часто предпочитают высоким удовольствиям более низкие. Милль мог бы спросить: на каком основании сам Гусев в своём контрдоводе объявляет одни удовольствия более высокими, другие более низкими и ожидает согласия с этой иерархией? На это Гусев отвечает: «Чтобы предпочитать духовные наслаждения чувственным, для этого необходимо ставить дух человеческий выше тела и признавать за первым то высокое достоинство, какое усвояется ему, например, в христианском мировоззрении»[30].

Милль же к этому апеллировать не может. Согласно казанскому профессору, критерии утилитариста совершенно не подходят для доказательства таких положений, как «здоровье ценнее, нежели наслаждения, связанные с дурными привычками». При этом Милля не обязательно читать так, что большинство развитых людей определяют, что какие-то удовольствия лучшие других[31]. Милль может говорить,

---

[27] *Гусев А.Ф.* Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1875. Т. 1. № 3. С. 457.

[28] Там же. С. 458.

[29] Там же. С. 459.

[30] Там же. С. 464.

[31] Именно так Гусев понимает Милля: «По Миллю всё-таки выходит, что духовные наслаждения не заключают сами в себе что-либо такого, за что их нужно ставить выше чувственных наслаждений <…>

что мнение большинства – эпистемический критерий. Какие-то удовольствия в мире просто лучше, чем какие-то другие. Мир просто так устроен. Большинство интеллектуально развитых просто помогает нам это обнаружить, но и такие люди могут ошибаться. Берест хорошо суммирует позицию Гусева по этому вопросу: утилитаристы, будучи материалистами, отрицающими существование души, рассматривают все эмоции лишь как реакции тела на внешние раздражители. Такой подход не способен корректно различать высшие и низшие удовольствия[32].

Из сказанного выше Гусев выводит положение, оказывающееся краеугольным камнем всей его критики Милля: «Удовольствие – чувство, в высшей степени субъективное, как и всякое чувство. Чувство, замечает Вундт, всегда остаётся субъективным и с уничтожением этой субъективности перестаёт быть чувством»[33]. Удовольствие, по Гусеву, всегда зависит от состояния души, поэтому сама идея сравнения и калькуляции удовольствий кажется ему неверной.

С Гусевым можно отчасти согласиться. Удовольствие действительно не дано как внешняя измеримая величина вроде длины или веса. Однако субъективность удовольствия не исключает его межсубъектной сопоставимости. Удовольствия переживаются субъективно, но это не значит, что о них нельзя говорить общезначимо, нельзя сравнивать их. Мы можем говорить, что большинство предпочтут удовольствие от того, что их любимый человек живёт в благополучии, удовольствию от глотка яблочного сока. Получается, что всё-таки есть устойчивые межсубъектные закономерности удовольствия и именно к ним может отсылать утилитарист. Если мы учитываем такие закономерности, то мы всё ещё можем оценивать удовольствия в разных ситуациях.

По-видимому, Гусев опасается, что, несмотря на то, что удовольствие субъективно, утилитарист, исходя из собственного опыта, будет выдавать частные предпочтения за объективную характеристику каких-то вещей или какого-то опыта. Гусев пишет: «По свидетельству известного английского психолога Бона, для таких развитых людей, как Джонсон и Скотт, музыка, например, была просто “бессвязным шумом”. Утилитарист, наиболее любящий музыку и умеющий наслаждаться ею, стал бы настаивать на том, чтобы Джонсон и Скотт разделили его упоение какой-либо пьесой великого композитора»[34].

Возражение Гусева, таким образом, направлено против той версии гедонизма, в которой удовольствие мыслится как нечто однородное и одинаково распознаваемое всеми людьми[35].

Не внутренняя усталость духовных наслаждений должна служить основанием к предпочтению их перед чувственными, но обстоятельства, в сущности лежащие вне их, – именно количество лиц, наиболее симпатизирующих духовным, чем чувственным наслаждениям» (*Гусев А.Ф.* Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1875. Т. 1. № 3. С. 459).

32 *Berest J.* The Theme of Happiness and British Utilitarianism in Russian Thought, from the 1860s to the Early 1880s // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2021. Vol. 14. No. 1. P. 40.

33 *Гусев А.Ф.* Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1875. Т. 1. № 3. С. 469.

34 Там же. С. 457. См. также: *Гусев А.Ф.* Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1876. Т. 2. № 6. С. 280.

35 В целом с аргументацией Гусева от субъективности удовольствий можно справиться за счёт обращения к современному делению гедонистического утилитаризма на экстернализм и интернализм. Интернализм заключается в том, что удовольствие понимается в качестве особого отдельного свойства, имеющегося во всяком приятном опыте. Экстернализм же заключается в том, что всякий субъективный опыт может быть приятным для определённого человека в определённое время, у человека просто должна быть некоторая установка в пользу данного опыта. Этой установкой может быть желание. Так, Д. Миллер формулирует экстернализм Милля следующим образом: «…мы говорим, что данное чувство является приятным для определённого человека в определённый момент времени, если и только если мы желаем этого чувства ради него самого в этот момент времени» (*Miller D.* J.S. Mill: Moral, Social and Political Thought. Cambridge, 2010. P. 44). Милля

4

Перейдём к следующим возражениям Гусева, а именно к критике им миллевского понимания счастья. Эта критика во многом соответствует субъективизму Гусева относительно удовольствий:

> Слово «счастье» само по себе до крайности неопределённо. Не только каждый народ, но чуть ли не каждый отдельный человек понимает счастье по-своему, так что в этом отношении между людьми всегда существовало и доселе существует поразительное разногласие. Смотря по тому или другому духовному складу и характеру людей, и самое понятие о том, в чём заключается счастье, разнообразится до непримиримой противоположности и взаимной исключаемости[36].

Если же утилитаризм основывается на всеобщем стремлении к счастью, а счастьем для человека может быть что угодно (как всеобщее благо, так и всеобщее страдание), тогда «…одинаково правы и законны все человеческие инстинкты и стремления, каковы бы они ни были – хороши или дурны»[37]. Счастье одних может противоречить счастью других, а значит, всеобщее счастье просто невозможно. Гусев отмечает: «Счастье есть чувство, столь же различное, сколько людей есть на свете, и столько же разнообразное, как впечатления, представления и мысли, которые живут в человеческой душе <…> Эвдемонизм предполагает, что у людей есть один идеал благополучия, а это возможно только в первобытных, мало развитых и притом небольших человеческих обществах…»[38].

Против этого выдвигается следующий довод: «Невозможно даже мысленно представить, чтобы когда-нибудь, чрез несколько тысячелетий и даже миллионов лет, наступило такое время, в которое весь человеческий род до такой степени проникся тождеством воззрений, стремлений, симпатий и вкусов, чтобы каждая личность в этом отношении походила на другую. Но только в этом случае и возможно согласие и единство в понятии о счастье»[39].

Стоит отметить, что Милль нигде не требует единства в понимании счастья. Гусев прав в том, что понятие о счастье одних может противоречить счастью других. С этими разногласиями с точки зрения утилитаризма должна помочь справиться, во-первых, система воспитания, которая будет учить людей тому, что их счастье достижимо только через счастье окружающих (при это мы и окружающие можем ставить себе самые разные цели в жизни), во-вторых, система санкций. Так, действия и практики, противоречащие счастью других, должны запрещаться. Людей следует учить тому, что эти действия неправильны и к этим действиям следует испытывать отвращение. Таким образом, Милль может говорить о максимизации счастья в обществе именно тогда, когда все преследуют свои личные и уникальные цели при условии, что они не нарушают правил, запрещающих причинение страданий другим. Ответом на возражение Гусева будет то, что, согласно Миллю, счастьем будет ситуация, при которой человек способен достичь наибольшего количества наиболее ценных для себя целей. Милль сам нигде не пишет, в чём конкретно заключается

вполне можно читать как экстерналиста (Миллер довольно убедительно показывает, что Милля следует читать именно так (*Miller D.* J.S. Mill: Moral, Social and Political Thought. Cambridge, 2010. P. 57)). В таком случае исследовательский фокус смещается с неизменных удовольствий на условия, в которых нечто имеет тенденцию становиться для кого-то удовольствием, а это уже учитывает субъективный фактор.

36 *Гусев А.Ф.* Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1875. Т. 2. № 8. С. 619.

37 Там же. С. 620.

38 Там же. С. 626.

39 Там же. С. 627.

счастье, потому что оно достигается лишь тогда, когда человек преследует свои личные уникальные цели. Более того, он не считает, что в вопросе целей жизни возможно давать чёткие общезначимые ответы[40].

5

Далее, Гусев критикует миллевское утверждение, что компонентом счастливой жизни является «…отсутствие таких требований от жизни, которых жизнь не в состоянии выполнить». Гусев замечает, что действительная «…жизнь большей частью так слагается, что она часто не может удовлетворить самых законных человеческих желаний»[41]. По его мнению, человеческие желания законны даже тогда, когда они не могут быть удовлетворены. Требование Милля просто некорректно, ведь тогда «…счастье становится возможным лишь для людей крайне заурядных и пошлых»[42].

Помимо этого, Гусев критикует положение Милля о том, что наибольшее счастье доступно наиболее развитым людям: с интеллектуальным развитием вкус человека становится тоньше и меньше вещей уже приносит ему удовольствие (с развитием духовных способностей человек теряет возможность получать удовольствия от более низких вещей). Помимо этого, более развитые люди подвержены большему количеству страданий. Больше вещей в мире их задевает. Получается, что на самом деле для развитых людей источников удовольствий становится меньше, а источников страданий – больше. Можно было бы возразить: более развитым людям доступны удовольствия более высокого порядка. Но Гусев предвидит это возражение: «…людям может нравиться число удовольствий, а не относительная сила каждого из них»[43]. В качестве иллюстрации в пример приводятся дети, которые приходят в восторг от самых простых вещей. Мы не можем сказать наверняка, что учёные и художники счастливее детей. Более того, мы скорее согласимся с обратным. Гусев завершает это рассуждение так: «Чем развитее и способнее человек, тем выше его требования по отношению к окружающей жизни и тем, следовательно, больше и сильнее он должен страдать»[44]. После этого идут некоторые рассуждения об увеличении страданий в мире и примеры того, как более развитые люди оказываются более несчастными[45].

Наконец, Гусев утверждает, что Миллю не удаётся показать достижимость счастья, а если счастье недостижимо, то тогда всё его учение оказывается неверным. Критик полагает, что текущее положение дел в мире не способствует всеобщему счастью (стремления людей противоречат друг другу), но и изменения в учреждениях и законодательстве не способны улучшить жизнь общества. Гусев показывает, что прогрессивное развитие общества можно поставить под вопрос и, более того, можно даже попытаться показать, что мир скорее движется к увеличению страданий (в работе отстаивается положение, что с развитием человечества наши чувства становятся более тонкими и больше вещей и больше ситуаций начинают причинять нам страдание)[46]. Подобная критика, безусловно, имеет право на существование, особенно в контексте значимой роли пессимизма, в том числе в современной философии, однако на это утилитарист мог бы ответить, что его моральная теория направлена на то, чтобы наш мир был наименее худшим из всех плохих миров.

---

40 *Милль Дж.Ст.* Система логики силлогистической и индуктивной. М., 2020. С. 701–705.

41 *Гусев А.Ф.* Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1875. Т. 2. № 8. С. 620–625.

42 Там же. С. 626.

43 Там же. С. 630–631.

44 Там же. С. 636.

45 Там же. С. 636–640.

46 *Гусев А.Ф.* Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1875. Т. 3. № 9. С. 127–135.

6

После этого Гусев атакует следующее положение Милля: «…в золотом правиле Иисуса из Назарета, мы целиком прочитываем дух этики полезности»[47]. Он понимает это так, что, по Миллю, и Христос, и утилитарист говорят о том, что мы должны заботиться не только и не столько о личном счастье, но о счастье всех чувствующих существ, и из этого Милль выводит, что моральные доктрины христианства и утилитаризма совпадают[48]. Гусев сразу возражает, что в утилитаризме с необходимостью сохраняется эгоистическая мотивация, христианству же она чужда. Отмечается, что христианская и утилитарная цели жизни отличаются:

> Речь идёт о главной цели человеческой жизни, а Милль, чтобы представить в самом благовидном свете защищаемую им моральную теорию, решается даже, – всего вероятнее по недостаточному знакомству с сущностью христианского учения, клеветать на Бога, будто бы Он более всего желает не нравственного живого и свободного единения с Собою людей, не спасения их, но их счастья, будто бы Бог, создавая человека, главной целью его жизни поставил искание счастья. Конечно, Бог хочет блага Своей твари и всячески содействует её благополучию, но из этого ещё никак не следует, что счастье – главная и единственная цель человеческого существования[49].

Также Гусев замечает, что видение будущего человечества христианством и утилитаризмом в корне различны. Утилитарист ждёт и стремится построить рай на земле, в то время как, согласно христианству, человечество ожидает лишь скорбь и ужас перед Вторым пришествием.

Следует заметить, что едва ли сравнение утилитаризма и христианства возникает у Милля на пустом месте. Утилитаризм до Милля и Бентама имеет длинную историю, связанную с христианством. Некоторые ранние формы утилитаризма предлагали такие христианские мыслители, как, например, Джордж Беркли (1685–1753) и Уильям Пейли (1743–1805). Их моральную философию принято называть «англиканским утилитаризмом». Согласной данной теории, Бог есть источник моральных правил, однако нам напрямую Он моральные правила не сообщает. Мы узнаём, что некое правило является выражением морали, исходя из его полезности. В такой моральной теории естественные удовольствия отождествляются с добром, а естественные страдания – со злом. Испытывая удовольствия и страдания, мы исследуем мир и узнаём моральные законы, установленные Богом[50]. В этом интеллектуальном контексте обращение Милля к христианской этике выглядит вполне закономерным. При этом вопрос о том, насколько корректно англиканские утилитаристы истолковывали христианское учение, можно оставить открытым (во всяком случае его следует решать не в рамках данной работы)[51].

7

В завершение анализа следует рассмотреть ряд возражений Гусева, которые в его статье проработаны менее подробно, однако представляют определённый теоретический интерес (некоторые из них напоминают многие современные аргументы против утилитаризма). Во-первых, Гусев критикует возможность нашего ума

---

47 *Mill J.S.* Utilitarianism // Collected Works of John Stuart Mill. Vol. 10. Toronto, 1969. P. 218.

48 *Гусев А.Ф.* Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1876. Т. 2. № 6. С. 272.

49 Там же. С. 273–274.

50 *Беседин А.П.* Беркли // Историко-философский альманах. Вып. 8. М., 2024. С. 319.

51 Подробнее об англиканском утилитаризме см.: *Heydt C.* Utilitarianism Before Bentham // The Cambridge Companion to Utilitarianism / B. Eggleston, D.E. Miller (eds.), Cambridge, 2014. P. 16–37.

калькулировать последствия. Он считает, что ум слишком слаб, чтобы проследить все последствия наших решений. Очень часто на опыте видно, что законодатели ошибаются при попытке подобного подсчёта[52]. Также Гусев отмечает, что многие общественные феномены являются последствиями большой совокупности действий, многие из которых совершались без того, чтобы рассматривать данный феномен в качестве своего последствия[53]. Из этого он делает вывод о практической неприменимости утилитаристского принципа. Кроме того, раз мы не можем в определённый момент времени корректно просчитать все последствия действия, то мы не можем хвалить или порицать людей за определённые действия, поскольку у нас нет возможности оценить эти действия в данный конкретный момент[54].

На первое возражение утилитарист может отвечать следующим образом: оценивать мы можем не сами действия, но определённые эмпирические правила поведения, которые применяются в обыденной жизни. Если эти правила в целом увеличивают полезность, тогда их применение обосновано. На второе возражение можно ответить так: моральные оценки сохранятся, т.к. сами наши оценки действий в качестве заслуживающих осуждения или похвалы являются действиями, которые можно оценивать на полезность. Если осуждение определённых действий полезно, тогда мы будем их осуждать независимо от последствий самого действия; если похвала определённых действий полезна – тогда мы будем хвалить эти действия вне зависимости от их последствий. Судя по всему, так и работает теория моральной ответственности Джона Стюарта Милля[55]. Именно поэтому Гусев ошибается, заключая: «…утилитаризм не умеет ценить тех людей, которые, не принося обществу видимой пользы какой-либо деятельностью на поприще общественного служения, ведут, однако же, вполне нравственную жизнь и отличаются развитием всех высших сторон человеческой природы…»[56]

Утилитарист будет настаивать на положительной оценке подобных людей, поскольку такое устройство нашей системы похвалы и порицания будет способствовать увеличению количества таких людей и, как следствие, увеличению счастья в мире. Более того, утилитаристу совершенно необязательно призывать людей к активному изменению и улучшению мира. Так, люди, свободно преследуя свои жизненные цели и не вредя окружающим – уже увеличивают счастье в мире.

Далее Гусев предлагает возражение, что, согласно утилитаризму, мы можем оправдывать жестокие наказания виновных, несоизмеримые с преступлениями, т.к. это будет максимизировать полезность[57]. Утилитаристу на это останется лишь отвечать, что такие чрезмерно жёсткие наказания оказываются скорее вредными, однако, действительно, его теория с необходимостью не запрещает такие практики. Правда, для утилитариста скорее не существует понятия вины, отделённого от практик порицания, обосновываемых в свою очередь полезностью.

Гусев критикует утилитаристов также за то, что в их моральной теории добродетель не обладает самостоятельной ценностью, её ценность целиком зависит от наслаждений ею[58]. Понимаемая таким образом добродетель противна Гусеву, т.к. в таком случае она ставится в один ряд с обыденными вещами (например, нарядами

---

52 «Слово, история, по выражению Спенсера, есть не более, как рассказ о неудачных исходах эмпирических попыток добиться общего счастья» (*Гусев А.Ф.* Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1876. Т. 2. № 6. С. 283).

53 Там же. С. 281–282.

54 Там же. С. 288.

55 *Mill J.S.* An Examination of Sir William Hamilton Philosophy // Collected Works of John Stuart Mill. Vol. 9. Toronto, 1979. P. 456.

56 *Гусев А.Ф.* Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1876. Т. 2. № 6. С. 288.

57 Там же.

58 Там же. С. 340.

или бытовой техникой), приносящими нам удовольствие. Он настаивает, что наше сознание свидетельствует о независимой от удовольствий ценности добродетели[59]. В этом вопросе критик находится в более выигрышном положении, чем Милль: последний обязан говорить, что мы желаем добродетели, поскольку на самом деле она является для нас удовольствием (ещё и превышающим многие другие). Гусев будет говорить, что желает добродетели помимо того, что она – удовольствие, и помимо того, что она приводит к удовольствиям, и будет ссылаться на данные сознания. В его отчёте о внутренней жизни эта мотивация никак не связана с удовольствиями. И с ним можно согласиться. В таком случае утилитаристу придётся настаивать на том, что наши данные сознания нас обманывают, что на самом деле добродетель – удовольствие, но тогда подрывается весь пафос эмпирической философии Милля, которая сначала отталкивалась от непосредственного и безошибочного доступа к данным сознания, а теперь утверждает, что за этими данными скрывается нечто ещё. Аналогичным образом Гусев отмечает, что человек, в сущности, может желать истины и добра ради них самих, а не ради удовольствий, которые они приносят[60].

Заключение

Таким образом, критика Александром Фёдоровичем Гусевым утилитаризма Джона Стюарта Милля представляет собой интересный эпизод из истории русской рецепции миллевской моральной философии во второй половине XIX в. Для Гусева полемика с Миллем была не только разбором и критикой отдельной этической теории, но и попыткой показать ограниченность утилитарного понимания нравственности с точки зрения христианского, прежде всего православного, мировоззрения.

В центре его возражений оказываются несколько ключевых пунктов: 1) не всё возможно свести к пользе; 2) миллевское различение высших и низших удовольствий не работает; 3) несоизмеримость и крайняя субъективность удовольствия; 4) неопределённость понятия счастья и его субъективность; 5) трудность согласования утилитаризма с христианской моралью; 6) проблема практической калькуляции последствий; 7) расхождение утилитаристской теории мотивации с данными сознания. Критик стремится показать, что удовольствие и счастье не могут служить надёжным основанием морали, поскольку они субъективны, изменчивы и зависят от индивидуального склада человека. Отсюда он выводит: нравственная жизнь не может быть сведена к поиску удовольствия или максимизации полезности.

В своей работе я попытался показать, что не все возражения Гусева одинаково убедительны. Некоторые из них основаны на спорном истолковании Милля или на недостаточном учёте тех уточнений, которые сама утилитаристская традиция могла бы предложить. Однако ряд его критических замечаний сохраняет философский интерес. Именно поэтому статьи Гусева о Милле важны не только как историко-философский артефакт, но и как самостоятельный вклад в историю русской моральной философии. Они позволяют увидеть, что обсуждение утилитаризма в России не ограничивалось поверхностным принятием или отвержением западных идей, а включало их внимательный и подробный анализ.

---

[59] *Гусев А.Ф.* Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1876. Т. 2. № 6. С. 352.

[60] Там же. С. 365.

Список литературы

Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. 415 с.

Берест Ю. Дж. Милль: о принципах политической экономии // Российское право онлайн. 2021. № 3. С. 71–79.

Беседин А.П. Беркли // Историко-философский альманах. Вып. 8. М.: Воробьев А.В., 2024. С. 309–321.

Грот Н.Я. Психология чувствований. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1879–1880. 569 с.

Гусев А.Ф. Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1875. Т. 1. № 1. С. 101–131.

Гусев А.Ф. Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1875. Т. 1. № 3. С. 445–471.

Гусев А.Ф. Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1875. Т. 2. № 8. С. 618–653.

Гусев А.Ф. Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1875. Т. 3. № 9. С. 99–139.

Гусев А.Ф. Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1876. Т. 2. № 6. С. 271–312.

Гусев А.Ф. Джон Стюарт Милль как моралист // Православное обозрение. 1877. Т. 2. № 6. С. 331–368.

История русской философии: учебник для вузов / Под ред. М.А. Маслина. М.: Республика, 2001. 639 с.

Книга о книгах: толковый указатель для выбора книг по важнейшим отраслям знания / Под ред. И.И. Янжула. М.: Типография Д.И. Иноземцева, 1892.

Козырев А.П., Котрелёв Н.В. Примечания // *Соловьёв В.С.* Полное собрание сочинений в двадцати томах. Т. 1. М.: Наука, 2000. С. 247–381.

Козьминых Е.С. Политико-правовые идеи Дж.Ст. Милля в восприятии либералов «Вестника Европы» // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 2 (16). С. 88–94.

Лушников Д. Основное богословие и религиология: критика буддизма профессором Казанской духовной академии А.Ф. Гусевым (1845–1904) // Философия религии: аналитические исследования. 2024. Т. 8. № 2. С. 68–85.

Лушников Д., свящ. Профессор Казанской духовной академии А.Ф. Гусев (1845–1904) как преподаватель основного богословия // Христианское чтение. 2024. № 2. С. 12–28.

Милль Дж.Ст. Речь в защиту смертной казни // Этическая мысль. 2009. № 9. С. 183–192.

Милль Дж.Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. М.: ЛЕНАНД, 2020. 832 с.

Милль Дж.Ст. Утилитарианизм. О свободе. СПб.: Издание Аполлона Головачова, 1866–1869. 413 с.

Россель Ю.Д. Джон Стюарт Милль и его школа // Вестник Европы. 1874. Кн. 5. С. 5–33.

Соловьёв В.С. Кризис западной философии // *Соловьёв В.С.* Полное собрание сочинений в двадцати томах. Т. 1. М.: Наука, 2000. С. 38–152.

Соловьёв В.С. Критика отвлечённых начал // *Соловьёв В.С.* Полное собрание сочинений в двадцати томах. Т. 3. М.: Наука, 2001. С. 7–361.

Страхов Н.Н. Борьба с Западом. СПб.: Типография С. Добродеева, 1882. 362 с.

Троицкий М.М. Немецкая психология в текущем столетии. Т. 1. М.: Типография А. Гатпука, 1883. 408 с.

Чернышевский Н.Г. Экономическая деятельность и законодательство // *Чернышевский Н.Г.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1986. С. 674–733.

Щедрина Т.Г., *Попова В.С.* Логико-методологические идеи Дж.Ст. Милля в контексте отечественных философских дискуссий конца XIX – первой четверти XX вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 3 (33). С. 96–105.

Шпаковский М.В. Восприятия, эйдосы и божественные идеи: опыт аналитического прочтения эпистемологии, философии восприятия и метафизики архиепископа Никанора (Бровковича) // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 4. С. 84–129.

Яркова Е.Н. Утилитаризм в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 4. С. 7–36.

Berest J. J.S. Mill's System of Logic in Russia: The Debate on Empiricism in Russian Philosophy, 1860s–1890s // Northwestern University Studies in Russian Philosophy, Literature, and Religious Thought. 2024. Vol. 1. P. 137–175.

Berest J. Scientific Modernity vs Cultural Tradition in Imperial Russia: N.N. Strakhov, F.M. Dostoevskii and J.S. Mill's "A System of Logic" // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2023. Vol. 16. P. 5–49.

Berest J. The Theme of Happiness and British Utilitarianism in Russian Thought, from the 1860s to the Early 1880s // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2021. Vol. 14. No. 1. P. 5–68.

Capaldi N. John Stuart Mill: A Biography. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 436 p.

Heydt C. Utilitarianism before Bentham // The Cambridge Companion to Utilitarianism / Eds. B. Eggleston, D.E. Miller. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 16–37.

Miller D. J.S. Mill: Moral, Social and Political Thought. Cambridge: Polity, 2010. 252 p.

Mill J.S. An Examination of Sir William Hamilton's Philosophy // Collected Works of John Stuart Mill. Vol. 9. Toronto: University of Toronto Press, 1979. 625 p.

Mill J.S. Utilitarianism // Collected Works of John Stuart Mill. Vol. 10. Toronto: University of Toronto Press, 1969. P. 203–259.

Scanlan J. John Stuart Mill in Russia: A Bibliography // The Mill News Letter. 1968. Vol. 4. No. 1. P. 2–11.

Skorupski J. Introduction: The Fortunes of Liberal Naturalism // The Cambridge Companion to Mill. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 1–56.

Stack D. The Death of John Stuart Mill // The Historical Journal. 2011. Vol. 54. P. 167–190.

The Collected Works of Jeremy Bentham. London: University of London, 1996. 456 p.

A.F. Gusev as a Critic of John Stuart Mill's "Utilitarianism"

Arseniy D. Savelov – postgraduate student. Lomonosov Moscow State University. GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia; e-mail: ars109236@yandex.ru

The article analyzes A.F. Gusev's critique of J.S. Mill's utilitarianism as presented in the works of the Russian philosopher and theologian published in the journal "Pravoslavnoe obozrenie" ("Orthodox Review") between 1875 and 1878. It examines one of the understudied episodes in the Russian reception of Western moral philosophy in the second half of the nineteenth century and argues that Gusev's polemic with Mill was not merely a response to the English thinker's popularity in Russia, but also an attempt to systematically oppose utilitarian ethics with a Christian, and more specifically Orthodox, conception of the moral life. The article reconstructs Gusev's principal objections to Mill's "Utilitarianism": his critique of the universality of the concept of utility, his doubts about the possibility of qualitatively distinguishing pleasures on the basis of Mill's criterion, his skepticism concerning the commensurability and calculation of pleasures, his rejection of happiness as a universally valid foundation of morality, his criticism of the progressive view of human development, and his denial of the compatibility of utilitarianism with Christianity. Gusev pays particular attention to the thesis of the radical subjectivity of pleasure and happiness. In his view, the individual diversity of human aspirations, tastes, and life goals makes both the precise comparison of pleasures and the very ideal of universal happiness impossible. The article also considers Gusev's arguments concerning the practical inapplicability of utilitarianism, which he connects with the impossibility of calculating all the consequences of human actions, as well as his claim that truth, goodness, and virtue possess intrinsic value and cannot be reduced to pleasure or utility. Alongside the reconstruction of Gusev's position, the article offers a critical analysis of his arguments. It shows that some of his remarks do in fact touch upon genuine difficulties within Millian utilitarianism. Above all the problems of the subjectivity of happiness, moral motivation, and the justification of higher pleasures. At the same time, a number of Gusev's objections rest on a controversial or oversimplified interpretation of Mill's position. The article concludes that Gusev's texts are of interest not only as a material for history of philosophy but also as a substantive contribution to the history of Russian moral philosophy.

Keywords: A.F. Gusev, J.S. Mill, utilitarianism, happiness, pleasure, history of Russian philosophy, moral philosophy

For citation: Savelov, A.D. A.F. Gusev kak kritik "Utilitarizma" Dzhona Styuarta Millya [A.F. Gusev as a Critic of John Stuart Mill's "Utilitarianism"], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2026, Vol. 4, No. 2, pp. 5–22. (In Russian)

References

Bentham, J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation, in: *The Collected Works of Jeremy Bentham*. London: University of London, 1996, pp. 1–312.

Bentam, J. *Vvedenie v osnovaniya nravstvennosti i zakonodatel'stva* [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1998. 415 p. (In Russian)

Berest, J. J.S. Mill's System of Logic in Russia: The Debate on Empiricism in Russian Philosophy, 1860s–1890s, *Northwestern University Studies in Russian Philosophy, Literature, and Religious Thought*, 2024, Vol. 1, pp. 137–175.

Berest, J. Scientific Modernity vs Cultural Tradition in Imperial Russia: N.N. Strakhov, F.M. Dostoevskii and J.S. Mill's "A System of Logic", *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 2023, Vol. 16, pp. 5–49.

Berest, J. The Theme of Happiness and British Utilitarianism in Russian Thought, from the 1860s to the Early 1880s, *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 2021, Vol. 14, No. 1, pp. 5–68.

Berest, Yu.DZh. Mill': o printsipakh politicheskoi ekonomii [John Mill: Principles of Political Economy], *Rossiiskoe pravo onlain* [Russian Law Online], 2021, No. 3, pp. 71–79. (In Russian)

Besedin, A.P. Berkli [Berkeley], in: *Istoriko-filosofskii al'manakh* [Historical-Philosophical Almanac], Issue 8. Moscow: Vorob'ev A.V. Publ., 2024, pp. 309–321. (In Russian)

Capaldi, N. *John Stuart Mill: A Biography*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 436 p.

Chernyshevskii, N.G. Ekonomicheskaya deyatel'nost' i zakonodatel'stvo [Economic Activity and Legislation], in: *Sochineniya: v 2 t.* [Works in 2 vols.], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1986, pp. 674–733. (In Russian)

Grot, N.Ya. *Psikhologiya chuvstvovanii* [Psychology of Feelings]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1879–1880. 569 p. (In Russian)

Gusev, A.F. Dzhon Styuart Mill' kak moralist [John Stuart Mill as a Moralist], *Pravoslavnoe obozrenie* [Orthodox Review], 1875, Vol. 1, No. 1, pp. 101–131. (In Russian)

Gusev, A.F. Dzhon Styuart Mill' kak moralist [John Stuart Mill as a Moralist], *Pravoslavnoe obozrenie* [Orthodox Review], 1875, Vol. 1, No. 3, pp. 445–471. (In Russian)

Gusev, A.F. Dzhon Styuart Mill' kak moralist [John Stuart Mill as a Moralist], *Pravoslavnoe obozrenie* [Orthodox Review], 1875, Vol. 2, No. 8, pp. 618–653. (In Russian)

Gusev, A.F. Dzhon Styuart Mill' kak moralist [John Stuart Mill as a Moralist], *Pravoslavnoe obozrenie* [Orthodox Review], 1875, Vol. 3, No. 9, pp. 99–139. (In Russian)

Gusev, A.F. Dzhon Styuart Mill' kak moralist [John Stuart Mill as a Moralist], *Pravoslavnoe obozrenie* [Orthodox Review], 1876, Vol. 2, No. 6, pp. 271–312. (In Russian)

Gusev, A.F. Dzhon Styuart Mill' kak moralist [John Stuart Mill as a Moralist], *Pravoslavnoe obozrenie* [Orthodox Review], 1877, Vol. 2, No. 6, pp. 331–368. (In Russian)

Heydt, C. Utilitarianism Before Bentham, in: *The Cambridge Companion to Utilitarianism*, eds. B. Eggleston, D.E. Miller. Cambridge: Cambridge University Press, 2014, pp. 16–37.

Kozyrev, A.P., Kotrelev, N.V. Primechaniya [Notes], in: Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie sochinenii v dvadtsati tomakh* [Complete Works in Twenty Volumes], Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 2000, pp. 247–381. (In Russian)

Koz'minykh, E.S. Politiko-pravovye idei DZh. St. Millia v vospriyatii liberalov "Vestnika Evropy" [J.S. Mill's Political and Legal Ideas in the Reception of the Liberals of "Vestnik Evropy"], *Vestnik Permskogo universiteta* [Perm University Bulletin], 2011, No. 2 (16), pp. 88–94. (In Russian)

Lushnikov, D. Osnovnoe bogoslovie i religiologiya: kritika buddizma professorom Kazanskoi dukhovnoi akademii A.F. Gusevym (1845–1904) [Fundamental Theology and Religious Studies: Criticism of Buddhism by the Kazan Theological Academy Professor A.F. Gusev (1845–1904)], *Filosofiya religii: analiticheskie issledovaniya* [Philosophy of Religion: Analytic Researches], 2024, Vol. 8, No. 2, pp. 68–85. (In Russian)

Lushnikov, D. Professor Kazanskoi dukhovnoi akademii A.F. Gusev (1845–1904) kak prepodavatel' osnovnogo bogosloviya [Professor of Kazan Theological Academy A.F. Gusev (1845–1904) as a Teacher of Fundamental Theology], *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 2024, No. 2, pp. 12–28. (In Russian)

Maslin, M.A. (ed.) *Istoriya russkoi filosofii: uchebnik dlya vuzov* [History of Russian Philosophy: A University Textbook]. Moscow: Respublika Publ., 2001. 639 p. (In Russian)

Miller, D. *J.S. Mill: Moral, Social and Political Thought*. Cambridge: Polity, 2010. 252 c.

Mill', Dzh.S. Rech' v zashchitu smertnoi kazni [Speech in Favor of Capital Punishment], *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 2009, No. 9, pp. 183–192. (In Russian)

Mill', Dzh.S. *Sistema logiki sillogisticheskoi i induktivnoi* [A System of Logic, Syllogistic and Inductive]. Moscow: LENAND Publ., 2020. 832 p. (In Russian)

Mill', Dzh.S. *Utilitarianizm. O svobode* [Utilitarianism. On Liberty]. St. Petersburg: Izdanie Apollona Golovachova Publ., 1866–1869. 413 p. (In Russian)

Mill, J.S. An Examination of Sir William Hamilton's Philosophy, in: *Collected Works of John Stuart Mill*, Vol. 9. Toronto: University of Toronto Press, 1979. 625 p.

Mill, J.S. Utilitarianism, in: *Collected Works of John Stuart Mill*, Vol. 10. Toronto: University of Toronto Press, 1969, pp. 203–259.

Rossel', Yu.D. Dzhon Styuart Mill' i ego shkola [John Stuart Mill and His School], *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. St. Petersburg, 1874, Book 5, pp. 5–33. (In Russian)

Scanlan, J. John Stuart Mill in Russia: A Bibliography, *The Mill News Letter*, 1968, Vol. 4, No. 1, pp. 1–11.

Shchedrina, T.G., Popova, V.S. Logiko-metodologicheskie idei Dzh.S. Millia v kontekste otechestvennykh filosofskikh diskussii kontsa XIX – pervoi chetverti XX vv. [Logical and Methodological Ideas of J.S. Mill in the Context of Philosophical Debates in Russia in the End of 19th – Beginning of 20th Centuries. Russian Philosophical Discussions from the Late Nineteenth Century to the First Quarter of the Twentieth Century], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities Research in Eastern Siberia and the Far East], 2015, No. 3 (33), pp. 96–105. (In Russian)

Shpakovsky, M.V. Vospriyatiya, eidosy i bozhestvennye idei: opyt analiticheskogo prochteniya epistemologii, filosofii vospriyatiya i metafiziki arhiepiskopa Nikanora (Brovkovicha) [Perceptions, Eidos, and Divine Ideas: an Experience of Analytic Reading of Archbishop Nikanor (Brovkovich)'s Epistemology, Philosophy of Perception and Metaphysics], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 4, pp. 84–129. (In Russian)

Skorupski, J. Introduction: The Fortunes of Liberal Naturalism, in: *The Cambridge Companion to Mill*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998, pp. 1–56.

Solov'ev, V.S. Krizis zapadnoi filosofii [The Crisis of Western Philosophy], in: Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie sochinenii v dvadtsati tomakh* [Complete Works in Twenty Volumes], Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 2000, pp. 38–152. (In Russian)

Solov'ev, V.S. Kritika otvlechennykh nachal [Critique of Abstract Principles], in: Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie sochinenii v dvadtsati tomakh* [Complete Works in Twenty Volumes], Vol. 3. Moscow: Nauka Publ., 2001, pp. 7–361. (In Russian)

Stack, D. The Death of John Stuart Mill, *The Historical Journal*, 2011, Vol. 54, pp. 167–190.

Strakhov, N.N. *Bor'ba s zapadom* [Struggle with the West]. St. Petersburg: Tipografiya S. Dobrodeeva Publ., 1882. (In Russian) 362 p.

Troitskii, M.M. *Nemetskaya psikhologiya v tekushchem stoletii* [German Psychology in the Current Century], Vol. 1. Moscow: Tipografiya A. Gatpuka Publ., 1883. 408 p. (In Russian)

Yanzhul, I.I. (ed.) *Kniga o knigakh: tolkovyi ukazatel' dlya vybora knig po vazhneishim otraslyam znaniya* [A Book of Books: An Annotated Guide to the Selection of Books in the Major Branches of Knowledge]. Moscow: Tipografiya D.I. Inozemtseva Publ., 1892. (In Russian)

Yarkova, E.N. Utilitarizm v Rossii [Utilitarianism in Russia], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2019, Vol. 22, No. 4, pp. 7–36. (In Russian)